Правовые механизмы защиты от вторичных санкций в M&A

Пуховский Алексей Иванович
Магистрант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассмотрены правовые механизмы минимизации рисков вторичных санкций в сделках слияний и поглощений (M&A). Показано, что экстерриториальная природа вторичных санкций США (на базе E.O. 14024 и E.O. 14114) в сочетании с «Правилом 50 %» OFAC и эволюцией европейского режима (Reg. 2271/96 и анти-обходные инструменты ЕС после 2022 г.) формирует для международных сделок устойчивую зону правовой неопределённости. Исследование опирается на анализ первичных источников (E.O. 14024/14114, разъяснения OFAC, Регламент ЕС 2271/96, российские контрмеры), компаративно-правовое сопоставление режимов США-ЕС-РФ и казуистический разбор прецедентов (Lamesa, Bank Melli, Schansman) с проекцией на фазы M&A (term sheet, SPA, closing, post-closing). Целью данной статьи является выявление правовых механизмов, направленных на минимизацию рисков вторичных санкций в M&A-транзакциях. На материале ключевых прецедентов (Lamesa v. Cynergy, Bank Melli, Schansman v. Sberbank) и статистики российского рынка обосновываются практики договорного инжиниринга: санкционные заверения и гарантии, целевые indemnities, триггеры приостановления/расторжения, а также интеграция расширенного санкционного due diligence (EDD) во все фазы сделки. Новизна работы заключается в определении «санкционного дизайна» M&A-документации как автономного слоя защиты, сопоставимого по значимости с финансовой структурой сделки, и в предложении воспроизводимой методики оценки санкционного риска на стыке догматики, кейс-ло и эмпирики рынка. Практическая ценность состоит в разработке набора проверочных критериев для настройки R&W, indemnities и условий закрытия с учётом US-nexus и европейских коллизионных ограничений.

Ключевые слова: вторичные санкции; OFAC; «правило 50 %»; E.O. 14024; Регламент ЕС 2271/96; M&A; санкционная проверка (EDD); заверения и гарантии (R&W); санкционная оговорка; US-nexus.

Расширение санкционных режимов 2022–2025 гг. придало российскому рынку M&A черты «стратегического базара»: сделки всё чаще мотивированы политикой, а стоимость активов определяется скорее санкционным статусом их собственников, чем экономическими характеристиками. Вторичные санкции – инструмент, с помощью которого государство-инициатор воздействует на третьи страны, вынуждая их соблюдать первичные ограничения. В отличие от первичных санкций, адресованных резидентам соответствующей юрисдикции, вторичные санкции нацелены на иностранные юридические и физические лица, взаимодействующие с подсанкционными субъектами. Такой экстерриториальный подход позволяет США лишать иностранные компании доступа к американской финансовой системе и угрожать исключением из рынка за сотрудничество с санкционированными лицами[39]. Это создает зону правовой неопределённости: с одной стороны, участники M&A обязаны соблюдать санкционные требования, чтобы не потерять доступ к долларовой инфраструктуре; с другой – законодательство ЕС и России запрещает подчиняться иностранным ограничениям и предусматривает ответственность за содействие их исполнению.

Цель настоящей статьи – на основе сравнительно-правового и казуистического анализа предложить правовые механизмы защиты M&A-сделок от вторичных санкций.

Задачи исследования: 1) раскрыть нормативную рамку американского, европейского и российского санкционных режимов; 2) изучить судебную практику, формирующую подходы к санкционным рискам в частном праве; 3) сформулировать рекомендации для структурирования M&A-сделок в условиях коллизии правовых систем.

Методологическая основа сочетает нормативный анализ (изучение исполнительных указов США и регламентов ЕС), сравнительно-правовой подход (сопоставление санкционных режимов США, ЕС и России) и эмпирический анализ кейсов. Используются открытые данные о российском рынке M&A за I полугодие 2025 г., приведённые информационным агентством АК&М. Казуистический элемент основан на разборе трёх прецедентов, актуальных для M&A: Lamesa v. Cynergy (Англия), Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland (CJEU) и Schansman v. Sberbank (2-й окружной суд США).

Исполнительный указ Executive Orders 14024 от 15 апреля 2021 г. объявил, что «вредоносные внешние действия Правительства Российской Федерации» создают чрезвычайную угрозу национальной безопасности США. Документ предписывает блокировать «все имущество и интересы в имуществе» лиц, которые, по мотивированному решению министра финансов, «действуют или работают» в отдельных секторах российской экономики или «материально содействуют» санкционным субъектам[40]. Блокировка означает, что американским лицам и юридическим лицам под их контролем запрещено распоряжаться этими активами, а иностранные компании, исполь-

[39] См. *Meagher, Daniel.* Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, № 3. P. 999. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения: 15.10.2025)

[40] Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 73. P. 20249–20252. Doc. 2021-08098. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf (дата обращения: 15.10.2025)

зующие долларовые расчёты, рискуют попасть под вторичные санкции за обслуживание операций с подсанкционными лицами[41].

Указ Executive Orders 14114 от 22 декабря 2023 г. сосредоточен на иностранных финансовых учреждениях: министру финансов предоставлено право ограничивать или запрещать открытие и обслуживание корреспондентских или платёжных счетов иностранных банков, если они «осуществляют или облегчают значимые транзакции» в интересах лиц из санкционного списка. Эти меры применяются «несмотря на любой заключённый до даты издания приказа контракт», что усиливает конфликт с частноправовыми обязательствами[42]. В совокупности два указа формируют экстерриториальный механизм контроля: даже сделки между нерезидентами, не имеющие прямой связи с США, попадают под риск, если присутствует US-nexus (долларовый платёж, корреспондентский счёт или американская юрисдикция одного из участников).

Управление по контролю за иностранными активами Минфина США (Office of Foreign Assets Control, далее OFAC) применяет «правило 50 %» (FAQ 401), согласно которому компания считается санкционной, если подсанкционное лицо прямо или косвенно владеет 50 % и более ее уставного капитала[43]. Это правило распространяет блокирующие санкции на все дочерние структуры, даже если они не внесены в список SDN. Для M&A это означает необходимость детального анализа цепочек владения и проверки бенефициарных собственников на ранних стадиях сделки.

В ответ на экстерриториальные меры США Евросоюз принял Регламент (ЕС) № 2271/96, известный как «блокирующий статут»[44]. В преамбуле регламента подчёркивается, что законы некоторых третьих государств «претендуют на регулирование деятельности физических и юридических лиц, находящихся под юрисдикцией государств-членов», и что их экстерриториальное применение «нарушает международное право и препятствует достижению целей Союза»[45]. Статья 5 регламента запрещает европейским лицам исполнять требования, основанные на законах, перечисленных в Приложении, включая американские санкционные акты[46]. Статья 6 даёт пострадавшим право требовать возмещения убытков, причинённых исполнением таких требований. Таким образом, европейские компании оказываются в правовом тупике: соблюдение вторичных санкций США может привести к нарушению права ЕС и обязательству компенсировать ущерб.

Российские нормативные акты (Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» от 30.12.2006 № 281-ФЗ[47] и Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81«О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»[48]) запрещают соблюдать санкции недружественных государств, вводят уголовную и административную ответственность за содействие их исполнению и предусматривают систему разрешений на сделки с недружественными лицами. Эти меры усиливают коллизию: участники M&A, действующие на территории РФ или имеющие российские активы, несут риски двойной ответственности.

Судебная практика по вторичным санкциям и блокирующему регламенту ЕС задаёт рамки договорного поведения и комплаенса в трансграничных сделках. В деле Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd (EWCA Civ 821, 2020) спор возник из кредитного соглашения с оговоркой, по которой неплатёж не считается дефолтом, если просрочка вызвана исполнением «mandatory law»[49]. После включения Виктора Вексельберга в список SDN банк прекратил платежи, ссылаясь на риск вторичных санкций. Апелляционный суд признал, что «mandatory law» охватывает не только прямые запреты, но и нормы, устанавливающие санкции за содействие подсанкционным лицам; в качестве примера суд сослался на § 5(b) Ukraine Freedom Support Act 2014, обязывающий президента США вводить меры против иностранных финучреждений, участвующих в значимых транзакциях с SDN[50]. Поскольку банк действовал для соблюдения такого закона, отказ от платежа признан правомерным[51].

Иная логика прослеживается в праве ЕС. В деле Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH (C-124/20, CJEU, 2021) оператор расторг договор из-за опасений перед американскими санкциями после включения иранского банка в SDN-лист[52]. Суд ЕС напомнил, что преамбула Регламента № 2271/96 (Blocking Statute) квалифицирует экстерриториальное применение законов третьих стран как противоречащее международному праву и целям ЕС, а статья 5 запрещает компаниям ЕС исполнять такие требования. Национальные суды должны учитывать приори-

---

[41] Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 73. P. 20249. Doc. 2021-08098. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

[42] См. Executive Order 14114 of December 22, 2023. Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // Federal Register. 26 Dec. 2023, 88 FR 89271–89274.

[43] OFAC. FAQ 401: "OFAC's 50 Percent Rule. URL: https://ofac.treasury.gov/faqs/401 (дата обращения: 19.10.2025)

[44] Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country… Official Journal of the European Communities. 1996. L 309. P. 1-6. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj (дата обращения: 19.10.2025)

[45] См. *Lonardo Luigi* (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1. https://doi.org/10.1017/ cel.2023.11

[46] См. *Lonardo Luigi* (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1. https://doi.org/10.1017/ cel.2023.11

[47] См. Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» от 30.12.2006 № 281-ФЗ (в ред. 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44; Российская газета. 2007. 10 янв. № 4264.

[48] Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1466.

[49] Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd. – [2020] EWCA Civ 821. – Court of Appeal (Civil Division). 30.06.2020. URL: https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf (дата обращения 19.10.2025)

[50] Ukraine Freedom Support Act of 2014 Pub. L. 113-272; 128 Stat. 2952; 18.12.2014. § 5(b). URL: https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf (дата обращения: 19.10.2025)

[51] См. *Meagher, Daniel.* Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, No. 3. P. 999. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения: 15.10.2025)

[52] Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH. – Case C-124/20. – Judgment of 21.12.2021. ECLI:EU:C:2021:1035. URL: https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-124/20 (дата обращения 19.10.2025)

тет права ЕС и проверять, создаёт ли угроза санкций «серьёзный ущерб», который способен оправдать отступление; дело возвращено для фактической оценки, но общий вывод таков: один лишь риск вторичных санкций не освобождает европейских контрагентов от обязанностей по блокирующему регламенту[1].

Американская практика демонстрирует отдельный вектор рисков. В деле Schansman v. Sberbank of Russia PJSC (2-й окружной суд США, 2025) истцы утверждали, что банк через корреспондентские счета в США финансировал вооружённые формирования[2]. Суд указал, что статус государственного банка не гарантирует иммунитет по FSIA, если спор основан на коммерческой деятельности; к таким искам может применяться и Закон о борьбе с терроризмом (ATA). Следовательно, иностранные госбанки остаются уязвимы к ответственности за «материальную поддержку» через американскую финансовую систему, даже при косвенном использовании корреспондентских счетов[3].

Санкционная проверка (sanctions due diligence) представляет собой комплекс мер по идентификации и управлению санкционными рисками. Европейская Комиссия разъясняет, что такая проверка помогает определить, «запрещена ли сделка по праву ЕС» и уменьшить риск ответственности; добросовестная проверка может служить смягчающим обстоятельством и защитой при неумышленном нарушении[4]. Процесс включает сбор информации ции о контрагенте, выявление «красных флагов» (связи с санкционными лицами, подозрительные маршруты платежей), их верификацию и дополнительные запросы. Руководство ЕС предлагает модель «кто, что, где, почему»: анализировать кто (поставщики, клиенты, бенефициары), что (характер продукции и услуг, включая товары двойного назначения), где (страна происхождения и маршруты), почему (цель использования)[5]. В зависимости от результата проверка может быть поверхностной (background screening) или расширенной (Enhanced Due Diligence, далее EDD), включающей изучение цепочек владения, источников финансирования и политически значимых лиц.

EDD в M&A охватывает весь цикл сделки. На этапе term sheet проверяют санкционный статус цели, структуру собственности и бенефициаров; при красных флагах закрепляют право расторжения или корректировку цены. В Sale and Purchase Agreement (далее SPA) включают заверения и гарантии продавца о соблюдении санкционного и антикоррупционного законодательства, право покупателя на углублённый аудит и условия отказа от закрытия. На closing повторно проверяют санкционные списки в отношении сторон и аффилированных лиц, а также наличие необходимых разрешений регуляторов. После закрытия стороны в оговорённый срок ведут мониторинг изменений в санкционных списках и обязуются уведомлять друг друга о наступлении санкционного события.

Англо-американская практика широко использует Representations & Warranties (R&W) – заверения о фактах и обязательства сторон. Специальные «санкционные» заверения требуют от продавца подтверждения, что ни он, ни его аффилированные лица не являются субъектами санкций, не находятся под контролем подсанкционных лиц и не осуществляли запрещённых транзакций. Такой подход позволяет покупателю потребовать возмещения убытков (indemnity) в случае недостоверности заявления[6]. ния[6].

Indemnity-положения закрепляют обязанность стороны компенсировать убытки, понесённые другой стороной из-за нарушения санкционных или антикоррупционных требований. В контексте M&A рекомендуется предусматривать, что если после закрытия сделки обнаружится факт нарушения санкционного режима, продавец возместит все штрафы, сборы и судебные расходы. При этом может устанавливаться предел общей ответственности (cap) и срок, в течение которого покупатель вправе предъявить претензию.

В договоры включают самостоятельные санкционные оговорки, чтобы адаптироваться к быстро меняющемуся режиму. Оговорка о приостановлении или расторжении даёт право остановить исполнение или прекратить сделку при попадании стороны или её бенефициаров в санкционные списки. Carve out освобождает от платежей или поставок, если их исполнение повлечёт нарушение санкционного законодательства. Long stop date устанавливает предельный срок закрытия; по его истечении стороны вправе отказаться от сделки при отсутствии требуемых разрешений. Совокупность этих механизмов делает договор гибче и снижает риск признания сделки ничтожной.

По данным информационного агентства AK&M, в первой половине 2025 г. объём российского рынка M&A (с порогом раскрытия 1 млн долл.) снизился на 12,3 % до 18,67 млрд долл. по сравнению с первым полугодием 2024 г. (21,29 млрд долл.). Число сделок сократилось с 219 до 201 (-8,2 %), а средняя стоимость реализованного актива выросла на 32,7 % до 68,4 млн долл. Высокая ключевая ставка Банка России (21 % весной 2025 г.) и усиление санкций ограничивали активность инвесторов. Доля принудительных национализаций составила 21,2 % общей стоимости сделок (3,95 млрд долл.), в том числе продажа доли 45 % в Альфа-Банке партнёру А. Козогову (1,75 млрд долл.) и вхождение государственного контролёра в онлайн-классифайд Avito (1,23 млрд долл.)[7]. Эти цифры свидетельствуют, что санкционная среда смещает фокус рынка от классических стратегических поглощений к вынужденным продажам, национализации и закупке технологических компаний для импортозамещения.

---

[1] См. *Lonardo Luigi* (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1. https://doi.org/10.1017/ cel.2023.11

[2] Schansman v. Sberbank of Russia PJSC. № 22-3097. U.S. Court of of Appeals for the Second Circuit. Opinion filed 04.02.2025. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-ca2-22-03097 (дата обращения 19.10.2025)

[3] См. *Meagher, Daniel.* Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, No. 3. P. 999. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения 15.10.2025)

[4] См. *Chowdhury, Raeesa;* Martins, Fernando. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: https://dwfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions (дата обращения 15.10.2025)

[5] См. *Chowdhury, Raeesa;* Martins, Fernando. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: https://dwfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions (дата обращения 15.10.2025)

[6] См. *Chowdhury, Raeesa;* Martins, Fernando. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: https://dwfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions (дата обращения 15.10.2025)

[7] См. Информационное агентство AK&M. Пятая часть объема рынка M&A в первом полугодии – национализации по суду // mergers.akm.ru. 06.08.2025. URL: https://mergers.akm.ru/stats/pyataya-chast-obema-rynka-m-a-v-pervom-polugodii-natsionalizatsii-po-sudu/ (дата обращения 15.10.2025)

Российская академическая литература и аналитические отчёты подтверждают, что санкции и контрсанкции серьёзно трансформируют рынок M&A. В работе П.О. Парамонова и Н.Я. Головецкого отмечается, что весной 2022 года российский рынок сделок M&A начал «приобретать новые черты», поскольку санкционное давление затронуло государственный долг, банковский сектор, торговлю, инвестиции, транспорт, визы и активы отдельных лиц и компаний[1]. Авторы подчёркивают, что для смягчения напряжённости законодатели увеличили порог стоимости сделок, требующих согласования ФАС, до 2 млрд руб., что сделало рынок более свободным[2]. Они приводят статистику: в 2022 г. число сделок M&A сократилось до 515 (-14 % к 2021 г.), но в первой половине 2023 г. их количество выросло на 28,6 %.

Ю. А. Власова подчёркивает, что «усиление санкционного давления остаётся существенным внешним риском для российской экономики»; западные страны вводят ограничения против компаний и финансовых институтов, взаимодействующих с подсанкционными лицами[3]. Автор фиксирует тенденцию редомициляции: головные компании переносят регистрацию в дружественные юрисдикции, чтобы избежать странового и репутационного риска, и такая активность, по её мнению, способствует росту отечественного рынка M&A[4]. Ю. А. Власова также отмечает, что «классические методы оценки стоимости бизнеса теряют актуальность», поскольку иностранные продавцы предлагают активы с большим дисконтом; стороны используют гибридные механизмы ценообразования и отложенные платежи[5]. Несмотря на то, что большинство российских компаний не подпадает под прямые санкции, иностранные ограничения приводят к ограничению доступа к технологиям, росту стоимости материалов и сложностям в международном финансировании; страны-посредники иногда отказываются предоставлять услуги из-за риска вторичных санкций[6].

И.Г. Плотников в статье «Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций» отмечает, что вторичные санкции нацелены против третьих лиц, поддерживающих подсанкционных субъектов, и критиковал их как «нарушающие принципы суверенитета и правовой определённости»[7]. Он указывает, что российские юридические лица и банки всё чаще обращаются в международные судебные инстанции, включая Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма, чтобы оспорить применение таких санкций[8]. Среди практических стратегий он выделяет схемы с посредниками: российская компания переводит средства дружественной иностранной фирме, которая затем перечисляет их иностранному контрагенту; аналогично, товары направляются через посредников, а из-за ограничений SWIFT развиваются агентские договоры. Параллельный импорт через третьи страны временно легализован как мера поддержки бизнеса[9].

Ещё в 2014 г. Л.И. Лугачёва и М.М. Мусатова показывали, что государство рассматривало возможность ускоренной приватизации пакетов акций энергетических компаний: обсуждалась продажа части акций «Роснефти» уже в 2014 г., хотя выход из контрольных пакетов полностью не планировался[10]. Этот пример демонстрирует, что ещё до массового ужесточения санкционного режима власти искали баланс между сохранением контроля и привлечением инвестиций.

Обобщая российские исследования, можно сделать вывод, что санкционное давление приводит к сокращению и трансформации рынка M&A, появлению новых механизмов ценообразования и структурирования сделок, росту редомициляции и использованию правовых стратегий, направленных на обход ограничений. Российские компании и государство адаптируют свою деятельность, балансируя между требованиями внешних санкционных режимов и внутренними мерами регулирования.

Таким образом, экстерриториальный характер американских вторичных санкций, усиленный «правилом 50 %», позволяет контролировать поведение неамериканских компаний, угрожая им исключением из американского рынка и блокировкой активов. Европейский союз реагирует блокирующим регламентом, который запрещает компаниям ЕС исполнять такие требования и предоставляет средства защиты пострадавшим. Российские контрмеры, в свою очередь, криминализуют содействие исполнению недружественных санкций. Анализ прецедентов Lamesa, Bank Melli и Schansman показывает, что суды разных юрисдикций по-разному оценивают значение санкционного риска: английские суды признают его обязательным правовым требованием, суд ЕС настаивает на приоритете блокирующего регламента, а американские суды расширяют юрисдикцию в отношении иностранных банков, участвующих в финансировании санкционных субъектов.

В таких условиях для безопасности M&A-сделок необходим многоуровневый санкционный дизайн: интеграция расширенной санкционной проверки на всех стадиях сделки, включение специальных заверений, гарантии и indemnities в договор, а также гибкие условия приостановления и расторжения. Эти инструменты позволяют управлять рисками, соблюдать различные правовые режимы и минимизировать вероятность материальных потерь в условиях нарастающего санкционного давления.

Литература

1. Власова Ю.А. Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 49-54.

2. Информационное агентство AK&M. Пятая часть объема рынка M&A в первом полугодии – национализации по суду // mergers.akm.ru. 06.08.2025. URL: https://mergers.akm.ru/stats/pyataya-chast-obema-rynka-m-a-v-pervom-polugodii-natsionalizatsii-po-sudu/ (дата обращения: 15.10.2025).

[1] См. *Парамонов, П. О.* Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций / П. О. Парамонов, Н. Я. Головецкий // Вестник евразийской науки. – 2024. Т. 16. № 1. С. 4.

[2] См. *Парамонов, П. О.* Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций / П. О. Парамонов, Н. Я. Головецкий // Вестник евразийской науки. – 2024. Т. 16. № 1. С. 4.

[3] См. *Власова Ю.А.* Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 52.

[4] См. *Власова Ю.А.* Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 52.

[5] См. *Власова Ю.А.* Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 53.

[6] См. *Власова Ю.А.* Оценка состояния российского рынка слияний и поглощений в текущих экономических условиях // Аудиторские ведомости. 2025. № 1. С. 53.

[7] См. *Плотников И. Г.* Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 163.

[8] См. *Плотников И. Г.* Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 164.

[9] См. *Плотников И. Г.* Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 164.

[10] Лугачёва Л.И., Мусатова М.М. Санкции и российский рынок слияний и поглощений // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 12 (486). С. С.109.

3. Лугачёва Л.И., Мусатова М.М. Санкции и российский рынок слияний и поглощений // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 12 (486). С. 99-112.

4. Парамонов, П. О. Тенденции российского рынка сделок M&A в условиях экономических санкций / П. О. Парамонов, Н. Я. Головецкий // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 1. С. 1-12.

5. Плотников И. Г. Правовые стратегии российских компаний в условиях международных санкций // Евразийская адвокатура. 2024. № 5 (70). С. 163–166.

6. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1466.

7. Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» от 30.12.2006 № 281-ФЗ (в ред. 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44; Российская газета. 2007. 10 янв. № 4264.

8. Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH. – Case C-124/20. – Judgment of 21.12.2021. ECLI:EU:C:2021:1035. URL: https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-124/20 (дата обращения: 19.10.2025).

9. Lonardo Luigi (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1–24. URL: https://doi.org/10.1017/ cel.2023.11.

10. Meagher, Daniel. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, № 3. P. 999–1030. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

11. Chowdhury, Raeesa; Martins, Fernando. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: https://dwfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions (дата обращения: 15.10.2025).

12. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country… Official Journal of the European Communities. 1996. L 309. P. 1-6. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj (дата обращения: 19.10.2025).

13. Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, № 73. P. 20249–20252 (P. 20249). Doc. 2021-08098. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

14. Executive Order 14114 of December 22, 2023. Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // Federal Register. 26 Dec. 2023, 88 FR 89271–89274.

15. Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd. [2020] EWCA Civ 821. Court of Appeal (Civil Division). 30.06.2020. URL: https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf (дата обращения: 19.10.2025).

16. OFAC. FAQ 401: "OFAC's 50 Percent Rule. URL: https://ofac.treasury.gov/faqs/401 (дата обращения: 19.10.2025).

17. Schansman v. Sberbank of Russia PJSC. № 22-3097. – U.S. Court of Appeals for the Second Circuit. Opinion filed 04.02.2025. URL: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-ca2-22-03097 (дата обращения: 19.10.2025).

18. Ukraine Freedom Support Act of 2014 Pub. L. 113-272; 128 Stat. 2952; 18.12.2014. § 5(b). URL: https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf (дата обращения: 19.10.2025).

Legal Mechanisms for Protecting Against Secondary Sanctions in M&A

Pukhovsky A.I.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines legal mechanisms for minimizing the risk of secondary sanctions in mergers and acquisitions (M&A) transactions. It demonstrates that the extraterritorial nature of US secondary sanctions (based on E.O. 14024 and E.O. 14114), combined with OFAC's "50% Rule" and the evolution of the European regime (Reg. 2271/96 and EU anti-circumvention instruments after 2022), creates a persistent zone of legal uncertainty for international transactions. The study is based on an analysis of primary sources (E.O. 14024/14114, OFAC clarifications, EU Regulation 2271/96, Russian countermeasures), a comparative legal comparison of the US-EU-Russia regimes, and a casuistic analysis of precedents (Lamesa, Bank Melli, Schansman) with a projection onto M&A phases (term sheet, SPA, closing, post-closing). The purpose of this article is to identify legal mechanisms aimed at minimizing the risk of secondary sanctions in M&A transactions. Using key precedents (Lamesa v. Cynergy, Bank Melli, Schansman v. Sberbank) and Russian market statistics, contractual engineering practices are substantiated: sanctions representations and warranties, targeted indemnities, suspension/termination triggers, and the integration of enhanced sanctions due diligence (EDD) into all phases of the transaction. The novelty of this work lies in defining the "sanctions design" of M&A documentation as an autonomous layer of protection, comparable in importance to the financial structure of the transaction, and in proposing a reproducible methodology for assessing sanctions risk at the intersection of dogmatics, case studies, and market empirics. The practical value lies in developing a set of verification criteria for adjusting R&W, indemnities, and closing conditions, taking into account the US nexus and European conflict of laws restrictions.

Keywords: secondary sanctions; OFAC; "50% rule"; E.O. 14024; EU Regulation 2271/96; M&A; sanctions due diligence (EDD); representations and warranties (R&W); sanctions clause; US nexus.

References

1. Vlasova Yu. A. Assessment of the State of the Russian Mergers and Acquisitions Market in the Current Economic Conditions // Audit Reports. 2025. No. 1. pp. 49-54.

2. Information Agency AK&M. One Fifth of the M&A Market Volume in the First Half of the Year – Nationalizations by Court Orders // mergers.akm.ru. 06.08.2025. URL: https://mergers.akm.ru/stats/pyataya-chast-obema-rynka-m-a-v-pervom-polugodii-natsionalizatsii-po-sudu/ (date of access: 15.10.2025).

3. Lugacheva L. I., Musatova M. M. Sanctions and the Russian Mergers and Acquisitions Market // All-Russian Economic Journal ECO. 2014. No. 12 (486). P. 99-112.

4. Paramonov, P. O. Trends in the Russian M&A Market under Economic Sanctions / P. O. Paramonov, N. Ya. Golovetsky // Bulletin of Eurasian Science. 2024. Vol. 16. No. 1. Pp. 1-12.

5. Plotnikov, I. G. Legal Strategies of Russian Companies under International Sanctions // Eurasian Advocacy. 2024. No. 5 (70). Pp. 163-166.

6. Decree of the President of the Russian Federation of 01.03.2022 No. 81 (as amended on 20.05.2024) "On Additional Temporary Economic Measures to Ensure the Financial Stability of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 10. Art. 1466.

7. Federal Law "On Special Economic Measures and Coercive Measures" dated December 30, 2006 No. 281-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1 (Part I). Art. 44; Rossiyskaya Gazeta. 2007. January 10. No. 4264.

8. Bank Melli Iran v. Telekom Deutschland GmbH. – Case C-124/20. – Judgment of December 21, 2021. ECLI:EU:C:2021:1035. URL: https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-124/20 (access date: 10/19/2025).

9. Lonardo Luigi (2023). Challenging EU Sanctions against Russia: The Role of the Court, Judicial Protection, and Common Foreign and Security Policy. Cambridge Yearbook of European Legal Studies 1–24. URL: https://doi.org/10.1017/cel.2023.11.

10. Meagher, Daniel. Caught in the Economic Crosshairs: Secondary Sanctions, Blocking Regulations, and the American Sanctions Regime // Fordham Law Review. 2020. Vol. 89, No. 3. P. 999–1030. URL: https://fordhamlawreview.org/wp-content/uploads/2020/11/Meagher_December.pdf (accessed 10/15/2025).

11. Chowdhury, Raeesa; Martins, Fernando. Sanctions risks in M&A transactions: Strategic navigation for global insurers // DWF Group. 04 July 2025. URL: https://dwfgroup.com/en/news-and-insights/insights/2025/7/sanctions-risks-in-manda-transactions (access date: 10/15/2025).

12. Council Regulation (EC) No 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country… Official Journal of the European Communities. 1996. L 309. P. 1-6. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/1996/2271/oj (access date: 10/19/2025).

13. Executive Order 14024 of April 15, 2021. Blocking Property With Respect To Specify Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation // Federal Register. 2021. Vol. 86, No. 73. P. 20249–20252 (P. 20249). Doc. 2021-08098. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf (accessed 10/15/2025).
14. Executive Order 14114 of December 22, 2023. Taking Additional Steps With Respect to the Russian Federation's Harmful Activities // Federal Register. 26 Dec. 2023, 88 FR 89271-89274.
15. Lamesa Investments Ltd v. Cynergy Bank Ltd. [2020] EWCA Civ 821. Court of Appeal (Civil Division). 06/30/2020. URL: https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/07/Lamesa-v-Cynergy.APPROVED-JUDGMENTS.pdf (accessed 10/19/2025).
16. OFAC. FAQ 401: "OFAC's 50 Percent Rule." Available at: https://ofac.treasury.gov/faqs/401 (Accessed October 19, 2025).
17. Schansman v. Sberbank of Russia PJSC. No. 22-3097. – U.S. Court of Appeals for the Second Circuit. Opinion filed February 4, 2025. Available at: https://www.govinfo.gov/app/details/USCOURTS-ca2-22-03097 (Accessed October 19, 2025).
18. Ukraine Freedom Support Act of 2014 Pub. L. 113-272; 128 Stat. 2952; December 18, 2014. § 5(b). Available at: https://www.congress.gov/113/plaws/publ272/PLAW-113publ272.pdf (accessed October 19, 2025).